

— Цянь чун цзинь? — Ан Чан Цин вспомнил странные цветы, что растут в Радужном саду и цветут даже зимой. — Это цветок лавандового цвета с шестью лепестками? Его стебель может вырасти до двух футов в высоту, а сам он цветёт круглый год?

— Совершенно верно. Цянь чун цзинь может показаться обычным цветком, но на самом деле это лекарственная трава. В этом рецепте есть ингредиент, который не сочетается с лечебными свойствами цянь чун цзиня. Когда человек, принимающий лекарство по этому рецепту, соприкасается с пылью или вдыхает аромат цветущего растения, это сочетание образует яд. Об этом свойстве цянь чун цзиня мало кому известно, обычные люди даже не подозревают об этом.

Ан Чан Цин подумал о поле цянь чун цзинь за Радужным садом. Эта трава была посажена по всему поместью Ан. Юноша предполагал, что это было связано с особой любовью Ан Чжи Ке или мадам Ли к цветам, но оказалось, что это было сделано, чтобы скрыть убийственные намерения.

Но кто же мог оказаться настоящим виновником? Знает ли об этом Ан Чжи Ке?

Ан Чан Цин сжал пальцы в кулак и попытался успокоиться:

— У вас есть лекарство от этого?

— Разумеется, — сказал мужчина, — Однако, сначала ты должен позволить мне нарисовать себя.

Ан Чан Цин не стал больше торговаться с этим мужчиной. Поскольку тот смог обнаружить причину болезненного состояния его матери, то, вероятно, сможет и излечить её. Если выбор стоит между спасением матери и тем, чтобы позволить кому-то нарисовать себя, решение было очевидным.

— Ладно, — согласился Ан Чан Цин. — Где бы вы хотели рисовать? После того как закончите портрет, не могли бы вы поехать со мной на несколько дней, чтобы излечить мою матушку? Я буду бесконечно благодарен вам.

Мужчина лишь махнул рукой в ответ и сказал:

— Здесь, во дворе. Молчи и сиди спокойно.

— ...

Ан Чан Цин сел на табуретку, стоящую неподалёку. Мужчина позвонил в маленький колокольчик, и ему принесли набор для рисования. Затем он сел и с предельной серьёзностью начал рисовать портрет юноши.

Прошло около получаса. На открытом воздухе во дворе дул сильный холодный зимний ветер. Поскольку Чан Цин был одет в лёгкую одежду, к тому моменту, когда лекарь дорисовал его портрет, уже побелел от холода.

Как только мужчина закончил, Анфу поспешно вручил Чан Цину грелку для рук. Губы юноши дрожали от холода, когда он заговорил:

— Вы можете пойти со мной сейчас?

Мужчина уже собирался ответить, как вдруг внезапно переменялся в лице. Он развернул своё инвалидное кресло в другую сторону и спросил:

— Что ты здесь делаешь?

Эта фраза явно была адресована не Чан Цину, однако юноша тоже обернулся и увидел знакомую фигуру, стоящую в дверях.

Сяо Чжигэ тоже был удивлён, обнаружив своего супруга здесь. Увидев, что его руки покраснели от холода, он снял своё пальто и накинул на Чан Цина:

— Одевайся теплее, когда выходишь на улицу.

На одеянии Сяо Чжигэ всё ещё ощущалось его тепло. Ан Чан Цин сжался в нём, подняв воротник над щеками, и нежным голосом простонал: «Ммм».

Мужчина средних лет стоял с широко открытым ртом. Он посмотрел на Сяо Чжигэ, а затем снова на Чан Цина с широко открытыми глазами:

— Вы двое знаете друг друга?

— Это Ан Чан Цин, мой Ван Фэй.

— А это Ху Шифэй, военный врач.

Сяо Чжигэ кратко представил их друг другу, прежде чем его глаза остановились на портрете, который врач ещё не успел спрятать. Прищурившись, он спросил:

— Что это?

Ху Шифэй мгновенно попытался отодвинуть портрет в сторону, но Сяо Чжигэ опередил его — в мгновение ока оказался рядом с картиной и внимательно посмотрел на рисунок. Затем он

повернулся к Ху Шифэю и холодно сказал:

— Ха? Ты даже умеешь рисовать, — голос был низким, и любой, кто был знаком с его темпераментом, мог отчетливо понять, что мужчина был в плохом настроении.

Ху Шифэй тоже это понял. Однако не сдавался:

— Это плата за консультацию, которую я дал Ван Фэй.

Он повернулся, подмигнул Ан Чан Цину и, резко изменив своё отношение, вежливо сказал:

— Разве не так, Ван Фэй?

В ответ Ан Чан Цин лишь одарил его хитрой улыбкой, затем повернулся к Сяо Чжигэ и посмотрел на него невинными глазами.

Ху Шифэй поморщился и сказал:

— Тогда я не буду осматривать пациента.

Сяо Чжигэ осторожно убрал картину и посмотрел на него с отсутствующим выражением лица. Он крикнул:

— Тай Ху.

В дверь вошёл мускулистый высокий мужчина. Он поклонился Сяо Чжигэ, готовый получить его приказ:

— Слушаю вас, генерал.

— Уведи его, — приказал Сяо Чжигэ.

Тай Ху незамедлительно направился к Ху Шифэю быстрыми большими шагами. Он поднял инвалидное кресло, в котором сидел врачеватель, и направился в сторону выхода:

— Доктор Ху, поскольку это приказ генерала, прошу вас, потерпите.

—!

Ан Чан Цин был ошеломлен диктаторским поступком Сяо Чжигэ. Он тихо спросил:

— Разве так можно?

Сяо Чжигэ протянул руку, чтобы застегнуть своё пальто на супруге, и сказал:

— Он у меня в долгу.

После чего ненадолго задумался и добавил:

— В следующий раз предупреди меня заранее.

Ан Чан Цин помедлил с ответом. Пройдя несколько шагов за своим супругом в глубокой задумчивости, он понял, что тот имел в виду, когда говорил: «Скажи мне, если тебе что-то понадобится».

Если подумать, его муж пришёл сюда, вместо того чтобы отправиться в поместье Ванг сразу же после возвращения из казарм. А это означало, что, скорее всего, он прибыл сюда, чтобы найти Ху Шифэя в связи с болезнью его матери.

Ан Чан Цин почувствовал тепло в сердце и протянул ладонь, чтобы взять мужа за руку. Он ласково посмотрел на Сяо Чжигэ и сказал:

— В следующий раз ты узнаешь об этом первым.

<http://bllate.org/book/13048/1151683>